

Эмма Рудкевич

ИЗМЕНА МУЖА.
Ты отправил меня
в тюрьму ради
Любовницы!

Эмма Рудкевич

**Измена мужа. Ты отправил меня
в тюрьму ради любовницы!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Измена мужа. Ты отправил меня в тюрьму ради любовницы! /
Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Муж поцеловал руку беременной секретарши прямо передо мной. А через минуту в кабинет вошли следователи.— Алина Соколова, вы задержаны за мошенничество! Марк подставил меня под уголовное дело, присвоил строительную компанию моей покойной матери и решил отобрать семилетнюю дочь. Пока я сидела за решёткой, его любовница распоряжалась моими деньгами. В камеру пришёл Виктор — влиятельный бизнесмен, готовый разрушить империю Марка. Но взамен он потребовал долю в моём наследстве. Я найду настоящее завещание, верну дочь и докажу невиновность. Только смогу ли довериться человеку, который сначала увидел во мне выгодную сделку, а потом заставил сердце биться быстрее? Теперь моя очередь диктовать условия.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эмма Рудкевич

Измена мужа. Ты отправил меня в тюрьму ради любовницы!

Глава 1

Двенадцать процентов. Пересчитываю третий раз, хотя в таблице ничего не менялось с первого. Так и тянет отправить Лене из бухгалтерии: «Проверь меня, я сейчас начну радоваться». Вместо этого кручу стул носком туфли и снова открываю выписку банка. Деньги пришли. Двенадцать процентов роста выручки за квартал у «Алина Девелопмент» — это премии ребятам и ремонт в первом офисе. Там с февраля подтекает окно, и я каждую неделю обещаю его заменить.

На планшете отмечаю две строки и иду к Марку. У поворота едва не роняю его: в голове уже составляю благодарственную речь для планёрки. «Мы лучшие» звучит глуповато, но мне сегодня можно. Хочется сначала показать отчёт мужу. Он умеет радоваться моим удачам — по крайней мере, я до сих пор так считала. Говорил, что без меня строил бы одни бетонные коробки. За эту фразу я его целовала. Несколько раз.

Шторы у Марка задвинуты даже днём. В щель двери видно его ладонь на пачке актов; обручальное кольцо поблёскивает, когда он перелистывает страницу. Я толкаю дверь локтем и улыбаюсь ему, пока ещё ничего не знающая. Хорошо бы запомнить эти три секунды. Последнее, когда входить к нему было приятно.

— Марк, посмотри цифры по проекту «Невский Берег», — начинаю я, кладя планшет ему на стол. Сажусь напротив и сразу открываю нужную страницу. — Там расхождение в актах выполненных работ. Бухгалтерия, наверное, ошиблась с датировкой подрядчиков. Мне нужно твоё одобрение перед подписанием финального пакета документов для инвесторов.

Он оставляет мой планшет на краю стола. Водит указательным пальцем по чужой распечатке — туда-сюда, задерживается возле моей подписи. Я подаюсь ближе: что он там нашёл?

— Ошиблась? — переспрашивает он мягко, почти ласково. — Алина, ты подписала акты вслепую. Ты же знаешь наши правила. Доверяй бухгалтерии, но проверяй дважды.

Убираю ладонь с планшета. Он говорит о моей подписи так, будто уже предъявляет её кому-то третьему.

— Я проверяла, — настаиваю я, чувствуя, как кровь приливает к щекам. — Я видела сметы. Просто здесь дата поставки бетона смещена. Если мы не исправим это сейчас, будет штраф.

Марк поднимает глаза. Обычно в этот момент он говорит: «Иди сюда». Сейчас смотрит, как на совещании, когда подрядчик пытается выбить дополнительный платёж. Мне хочется отодвинуть стул, но я остаюсь на месте.

— Исправлять поздно, дорогая. Ты уже подтвердила объёмы. Инвесторы верят нам, потому что верят тебе. Твоей репутации. Не порти её мелочами ради технической ошибки. Подпиши то, что есть. Мы же семья. Зачем эти бюрократические игры?

За моей спиной открывается дверь. Кристина вносит два капучино на маленьком подносе, прижимая папку локтем. На пенке у обоих сердечки. Я успеваю сосчитать: две чашки, нас трое. Живот у неё уже округлился, бордовое платье обтягивает его так, что сомневаться смешно. Раньше секретарша стучалась. Теперь входит, даже если я здесь.

— Кофе, Марк, — мурлычет она, ставя чашку прямо поверх моих бумаг. Горячая жидкость брызгает на отчёт.

— Спасибо, родная, — Марк берёт её руку и целует запястье. Сидя напротив меня, своей жены.

Она убирает поднос, и папка соскальзывает с её локтя на планшет. На экран легла аккуратно, угол в угол; Кристина даже не пытается поднять. Улыбается мне, будто спрашивает: ну, будем выяснять, кто здесь лишний? Я смотрю на её рот. Помню, как выбирала ей помаду в подарок на день рождения. Господи, какая я была заботливая.

— Ой, прости, Алин. Совсем рассеянная из-за малыша, — она хихикает, глядя живот. — У тебя такие тонкие пальчики, ты ведь не справишься с тяжестью, правда? Тебе лучше сосредоточиться на... уборке. Или на подготовке к допросу. Шучу. Или нет.

В животе тянет, как перед рвотой. Очень хочется сбросить эту папку, обе чашки, всё, чем они заняли мой край стола. Но именно такого зрелища они и ждут. Кристина уже чуть повернулась к двери: потом расскажет девочкам, как жена устроила истерику. Я сглатываю и поправляю планшет под папкой. Обсуждать деньги тяжелее, чем крикнуть, и я заставляю себя обсуждать деньги.

— Мне нужно обсудить бонусное соглашение, — говорю я сухо, игнорируя Кристину и обращаясь только к Марку. — По договору, при росте выше десяти процентов, партнёрам выплачивается процент от прибыли. Я должна получить своё.

Марк устраивается удобнее. Даже пояс брюк поправляет под столом, словно впереди приятная длинная беседа. Меня тошнит, а ему тесно после завтрака. Всё больше вещей в этом кабинете оказываются важнее меня.

— Алинка, ну зачем эти бумаги? — он усмехается своей фирменной, пугающе доброй улыбкой. — Мы же семья. Ты просто подстраховала мужа. Помнишь? Ты же не хочешь оставить нас без дома? Без дочки?

Снова «семья». Когда нужны моя подпись и ночная работа — я партнёр. Когда речь о моей доле прибыли — жена, которой стыдно считать деньги. Уже хочется извиниться. Прикусываю щёку, чтобы не выдать это привычное «прости».

В дверь стучат дважды. От второго удара подпрыгивает ложечка на блюде Кристины. Она придерживает чашку и отходит от стола, впервые без своей улыбки.

— Войдите! — рывкает Марк, не вставая.

Дверь распахивается. В кабинет входят двое мужчин в штатском и один в строгом костюме с корочкой прокурора. Ни одного я не знаю. Снимаю чужую папку с планшета и прижимаю его к груди, прежде чем успеваю спросить, к кому они пришли.

— Алина Викторовна Соколова? — голос следователя ровный, механический.

Я смотрю на Марка. Жду защиты. Жду, что он встанет, скажет: «Это ошибка, мои юристы всё решат». Но Марк встаёт и отступает к окну. Он прячет руки за спину. Смотрит на следователя, пропуская мои попытки поймать его взгляд.

Пожалуйста, скажи хоть что-нибудь. Это же твои люди строили, ты согласовывал подрядчиков. Я ловлю себя на том, что уже готова просить его шёпотом, лишь бы он ответил.

— Да, это я, — шепчу я, чувствуя, как ноги становятся ватными.

— Вы подозреваетесь в совершении преступлений, предусмотренных статьями УК РФ о мошенничестве в особо крупном размере и служебном подлоге, — следователь подходит ближе. — Проследуйте за нами.

— Подождите! — я вскакиваю, стул с грохотом падает назад. — Это недоразумение! Марк, скажи им! Скажи, что это твои проекты! Что я только исполнитель!

Марк остаётся у окна. Кристина прикрывает рот ладонью, но я всё равно слышу её короткий смешок. От него так больно, что ещё секунду я могу только втягивать воздух.

— Марк!!! — кричу я, теряя остатки достоинства.

— Алина, успокойтесь, — следователь жестом требует тишины. Он достает из портфеля папку и раскрывает её перед моими глазами. Фиктивные акты выполненных работ. С моей

подписью. Юридически выверенные до последней запятой. Под актами подшито заявление Марка. Он называет меня организатором схемы, а себя — обманутым заказчиком.

Мои подписи расположены в таком порядке, что даже просьба проверить даты выглядит попыткой спрятать ошибку. Я узнаю акт, который Марк приносил домой, пока Лиза чистила зубы. Помню и ручку — не писала, он подал свою. Документы готовили давно, пока я смотрела на сметы, застройку, планы на премии. На всё, кроме мужа.

У меня забирают планшет. Один из мужчин придерживает мой локоть, второй заводит руки за спину; щёлкают наручники. Больно не от металла, а от того, как резко тянут плечи назад. — Не надо так, я сама иду. Он будто не слышит. Меня разворачивают к двери, и приходится шагнуть, чтобы не упасть.

В коридор вышли даже проектировщики с другого этажа. Узнаю Лену: у неё в руке кружка с надписью «Не трогать до кофе». Мы вместе её покупали. Лена смотрит на наручники и прижимает кружку к животу. У кулера Кристина медленно набирает воду, повернувшись ко мне боком, чтобы живот было лучше видно. Кто-то снимает. Ни у кого не хватает голоса спросить, что произошло.

— Наконец-то, — шепчет она коллеге, который стоит рядом. Голос слышен всем в этой мертвой тишине.

Из кабинета доносится голос Марка — он уже на телефоне. Деловой, вполне спокойный. Я стараюсь пройти мимо людей с поднятой головой, но туфля попадает на стык ламината, и колено подламывается. Конвоир дёргает меня за локоть. Лена делает полшага вперёд и останавливается.

— Марк! Скажи правду! — кричу я последний раз. Голос срывается на визг.

Сотрудники молчат. Кто-то опускает телефон, когда я смотрю прямо в объектив.

Глава 2

В машине я сажусь боком: со скованными руками не получается устроиться на спинке. Сиденье липнет к чулкам, пахнет разогретой искусственной кожей. Снаружи кто-то ещё задаёт вопросы, но дверь захлопывается и слов уже не разобрать. Рядом остаются чужой рукав и решётка, в которой я вижу кусок офисного фасада.

Из кармана доносится мелодия телефона. Я прошу разрешения ответить: вдруг это няня.

Конвоир берёт телефон из моего кармана, смотрит на экран и включает громкую связь. Руки по-прежнему скованы за спиной; я наклоняюсь к трубке.

— Аллю? Маша? Где Лиза? — спрашиваю я, и сердце останавливается.

— Алина Викторовна, — голос няни торопливый, испуганный. — Мне звонил ваш муж. Сказал, что вы арестованы. Что вы опасны. Что счета заморожены и платить мне нечем. Он забрал ключи от квартиры. Сказал, что сам позаботится о ребёнке. Я... я не могу рисковать своим статусом. Простите.

Маша отключается. Конвоир ещё держит телефон у моего лица, и на экране висит время звонка. Сорок три секунды. За сорок три секунды можно объяснить, что больше не придёшь. У неё получилось, у меня пока нет.

За решёткой мелькает булочная, куда мы с Лизой ходили после школы. В витрине всё те же кексы с розовой глазурью. Она всегда просит один, съедает верх и отдаёт мне остальное. Я смотрю на дверь булочной, пока машина не заворачивает за угол. Куда мне идти за дочерью, если меня выпустят? У Маши забрали ключи. Марк не сказал, куда её увезёт.

Вчера я выбирала Лизе рюкзак на следующий учебный год. Сегодня даже спросить, поужинала ли она, не у кого. На экране погас номер Маши, а конвоир уже убирает телефон и планшет в пакет с моими вещами.

На повороте меня бросает плечом на соседнего конвоира. Он отодвигается, когда машина останавливается во дворе изолятора. — Выходи. Я не могу оттолкнуться руками, и он вытягивает меня за рукав. Свет от фар бьёт в лицо; первые два шага делаю, почти ничего не видя.

— Иди, — рычит он.

На входе задеваю туфлей порог. Дежурный раздражённо просит не задерживать очередь, хотя за мной никого нет. Из-за одной двери стучат, из-за другой отвечают тем же. Оказывается, здесь можно переговариваться без слов. Я бы предпочла, чтобы меня вообще не заметили.

В камере можно пройти три шага в длину. Проверяю — на третьем приходится остановиться у стены. Окно под потолком, с койки до него не достать. В раковине ржавая полоса, под ней ведро. В горле першит от дезинфекции. Тут кто-то сидел до меня; кто-то ещё сядет потом. Для всех у них есть это ведро и три шага.

До койки так и не дохожу. Опускаюсь у стены, прислоняюсь к холодному кафелю щекой. Наручники сняли, но запястья ещё помнят их форму. Я глажу одно другим и ловлю себя на привычке искать телефон. Его нет. Даже посмотреть на фото Лизы нельзя.

В голове крутится утренняя фраза Марка. Он сказал её у двери моего кабинета, прежде чем уйти к себе. Тогда я ещё улыбнулась: решил сам отвезти Лизу в школу, вот и благодарит за собранный портфель.

«Спасибо за всё, дорогая. Я позабочусь о нашей девочке лучше тебя».

Вчера я бы пожаловалась Марку, что после отчётов болит голова. Он посоветовал бы поспать и поцеловал меня в макушку. Теперь сижу на полу и не понимаю, куда деть эту привычку — искать защиты у него.

В допросной лампа горела прямо над столом. Я отодвигала протокол, чтобы прочитать, а следователь возвращал его ближе ко мне. Так три раза. У листа был загнут уголок; хотелось

разгладить его, занять чем-нибудь пальцы. Я удержалась. Пусть в этой бумаге ничего моего не будет, даже помятого уголка.

— Здесь ваша подпись, Алина Викторовна, — сказал Соколов, постучав ручкой по пустой строке. — Организация фиктивных сделок, хищение активов «Алина Девелопмент». Мы не можем обсудить домашний арест, пока вы отказываетесь сотрудничать. Он проверил часы и подвинул ручку. Смотрел на страницу, не на меня.

Губы слиплись. Разомкнула их языком и вспомнила Марка с актами у нас на кухне. «Подстрахуй мужа, Алиночка». Я тогда даже обрадовалась, что он попросил, а не распорядился. Нашла очки, подписала, вернулась к Лизиней тетради. Очень полезная жена. Стоило бы приложить к делу ещё и тетрадь — доказательство, как ловко я совмещала материнство с тем, что они называли мошенничеством.

— Там нет правды, — сказала я тихо. Голос дрогнул, но слова вылетели четко.

Соколов вздохнул, раздраженно постукивая ручкой по столу. — У вас есть два месяца продления ареста, если будете тянуть время. Вам нужны эти два месяца? Вашей дочери семь лет. Она ждет маму. Или вы хотите, чтобы она ждала дольше?

Он знал, чем взять. Возразить хотелось сразу: Лиза ждёт меня, вы прекрасно знаете, что ждёт. Но тогда пришлось бы объяснять, почему она не у матери. Я посмотрела на ручку. После подписи эта фраза в протоколе уже останется моей, сколько ни говори потом, что напугали ребёнком. Ради Лизы её и нельзя подписывать.

— Я не буду подписывать ложь. Даже ради свободы. Слова получились тихими. Я сказала их ещё раз, потому что Соколов продолжал постукивать по строке, словно не расслышал.

Он перестал стучать ручкой. Посмотрел на меня впервые за весь допрос, затем перечеркнул пустую строку для подписи. Под столом тряслись колени. Пусть. В протоколе не появится признание, которого он добивался.

К вечеру я узнала звук шагов конвоира. У двери он волок пятку, потом вставлял ключ. В этот раз вошёл со свёртком. Положил его на койку и сразу повернулся к выходу. — От кого? Парень кивнул куда-то наружу. Объяснять мои подарки ему явно не поручили.

В пакете оказалось бельё. Красный шёлк, тонкие бретельки, бирка ещё на месте. В эту камеру Марк прислал мне бельё. Я перевернула свёрток, надеясь найти хотя бы зубную щётку, но кроме сложенной визитки ничего не было. На обороте его почерк — размашистый, по школьным открыткам Лизе знакомый. Остальной текст я всегда дописывала сама: у папы дела, папа устал.

«Не сопротивляйся системе, я вытащу тебя быстро, если будешь молчать. Доверяй мне».

Последнее слово перечитала несколько раз. Как он это представляет? Я надена подарок, сяду на койку и буду ждать мужа? Ещё утром он мог улыбаться любому человеку в офисе, пока для меня уже ждали наручники. Шёлк стоил ему денег, зато записка — ни объяснения, ни даже вопроса о дочери. Я прижала пальцем букву «д», оставив жирный след. Очень захотелось испортить ему красивый почерк.

Провела тканью по ладони. На сгибе запястья ссадина; шёлк скользнул по ней, неприятно гладкий. Марк любил, когда я носила именно этот цвет. Покупала сама, выбирала, спрашивала, нравится ли. Сейчас спрашивать было некого.

У раковины порвала визитку, сначала пополам, потом ещё и ещё. Ключки липли к мокрым пальцам. С бельём пришлось повозиться: ткань тянулась, бретелька резала ноготь. Нашла шов и дёрнула за него. Разошёлся. Вторую чашечку рвала уже аккуратнее, разглядывая, где прихвачено. Самое полезное занятие, которое Марк оставил мне на вечер.

Собрала лоскуты в пакет и бросила в мусорное ведро. Хотела спустить в унитаз, но забить слив и ещё одну ночь слушать ругань конвоира ради Марка? Перебьётся. Его подарок останется здесь, в мусоре.

Глава 3

Ночью я считала трещины над койкой. На шестой сбивалась и начинала снова. Вентиляция гудела, в трубе за стеной щёлкало; во дворе пару раз гавкнула собака. Сон не приходил, зато всё время вспоминалось, закрыла ли Маша Лизин рюкзак. У молнии расходился зубчик. Надо было купить новый. Я думала о зубчике, чтобы не думать о том, что мне вообще не дадут купить ей рюкзак.

За дверью заговорили вполголоса. Я села, подтянув ноги на койку: ночные посетители здесь мне не нравились заранее. Замок открылся, в проёме показалось чёрное пальто. Слишком длинное и хорошее для конвоира.

Человек за дверью подождал, пока посетитель войдёт, и закрыл за ним. Я перестала тереть край матраса. Кто бы ни пришёл, его сюда пропустили без объяснений.

Мужчина остался в пальто. Я узнала его прежде, чем он заговорил: Виктор Валентинович. Когда-то сидела через три места от него на встрече застройщиков и думала, как уверенно он отказывает людям. Даже голоса не повышал. Теперь выбирать место рядом с ним уже не приходилось.

— Виктор Валентинович? Вопрос вышел вместо приветствия. Владелец холдинга, на переговорах с которым нас заранее просили не тратить его время, теперь стоял возле моей койки. На четыре утра его секретарь, видимо, запрета не поставил.

Виктор оглядел раковину, ведро, мою койку. Дошёл взглядом до красных лоскутов и задержался. Мне стало стыдно, словно это я украсила камеру кружевом. Я отвернула пакет открытым краем к стене, но он уже заметил.

— Эффектно, — сказал он. Голос низкий, бархатистый, но без капли теплоты. — Эмоциональный порыв. Похвальный. Но бесполезный.

Придвинув стул, он сел у койки. Я втянула ноги ещё дальше, освобождая место для его коленей. В тесной камере пальто пахло улицей и табаком; впервые за сутки я различила запах, который не исходил от стены или сантехники. Это почему-то окончательно убедило меня, что посетитель настоящий.

— Вы пришли смеяться? — спросила я, чувствуя, как леденеют пальцы.

— Я пришел делать бизнес, Алина. — Он достал из внутреннего кармана тонкую папку и бросил её на колени мне. — Марк считает, что вы сломаны. Что вы испуганный кролик, который будет сидеть тихо, пока он режет ваши активы на части. Он ошибается. Но его ошибка стоит мне денег.

Фотографии Кристины. Несколько банковских скриншотов. Даты, суммы. Я задержалась на счёте, который помнила по продаже материнского помещения. Потом снова вернулась к снимку: студия, куда Марк вечно ездил обсуждать дизайн. Кристина стояла у зеркала, он был отражён за её плечом. На дизайн они смотрели очень близко друг к другу.

— А вы чего хотите? — спросила я. — Если такие бумаги у вас уже есть, зачем приходиться ко мне? Папку оставила открытой. Не хотелось возвращать снимки, пусть даже посмотреть на них было больно.

— Мне нужна ваша компания. Вернее, то, что от нее осталось после того, как Марк добьёт её окончательно. Но я не хочу воровать. Я хочу купить. У того, кто реально владеет ситуацией. А ситуация такова: завтра вас перевезут в «Кресты». По тяжкой статье. И там с вами случится «несчастный случай». Самоубийство или передозировка. Марк купил это решение три дня назад.

— Откуда вы знаете про «несчастный случай»? Виктор не ответил сразу. Я смотрела на пуговицу его пальто, потому что на лицо смотреть стало трудно. Три дня назад Марк ещё

спрашивал, купить ли по дороге молоко. Потом мы завтракали вместе. Всё это время он уже мог знать, куда меня отправят.

— И что вы предлагаете? — спросила я, глядя ему прямо в глаза. В его серые, непроницаемые глаза.

— Сделка. Вы становитесь моим инструментом. Даете показания против Марка. Выдадите схемы. Помогаете вскрыть его сейф изнутри. Я обеспечу вам свободу, статус свидетеля и защиту.

— Инструмент, — повторила я. Слово царапнуло ухо. — Вы хотите сделать из меня шпиона. Приманку для крыс.

Виктор усмехнулся. Одними уголками рта. — Хотите партнерства? Нет. Партнеры делят риск. Вы рискуете всем. Я даю шанс выжить. Согласитесь на условия игры, или умрите в одиночестве. Выбор ваш.

Он говорил о смерти так, будто предлагал неудобное время встречи. Мне хотелось выгнать его, хотя дверь откроют только снаружи. Я отложила снимки на край койки. Один человек уже воспользовался тем, что я соглашалась быстрее, чем читала. Второго я себе здесь не позволю, даже если он пришёл спасать.

— Приманкой не буду, — сказала я. — Сведения дам, схему объясню. Но решение, где рисковать, принимаю сама. И ещё одно условие. Виктор коснулся ручки стула. Я ждала, встанет ли.

Виктор приподнял бровь. Ему стало интересно. Впервые он перестал смотреть на папку и посмотрел на меня.

— После победы, — продолжила я, чувствуя, как кровь стучит в висках, — компания возвращается ко мне. Целиком. Вы получаете доступ к активам, к управлению, к прибыли. Но бренд, история и доля остаются моими. Я не отдаю свою жизнь второму хозяину.

Виктор помолчал. Я сжимала край папки, ожидая, что он встанет и уйдёт. Но он снова сел удобнее — торг продолжался.

— Дерзко, — протянул он. — Марк бы уже плакал. А вы торгуетесь. Из камеры. В четыре утра.

— У меня там дочь, — ответила я. — Ей недостаточно живой мамы без всего остального. По лицу Виктора я не поняла, принял ли он это объяснение. Но он больше не предлагал мне умереть в одиночестве.

Виктор встал. Поправил манжеты. — Принято. Завтра утром к вам придет адвокат. Он подготовит документы. Игра начинается, Алина. Постарайтесь не облажаться.

Уходя, он постучал в дверь костяшками. Ему открыли сразу. Мне по-прежнему пришлось оставаться на койке, и всё же я подтащила стул к себе: завтра посадить адвоката, разложить бумаги. Планировать место для гостя в камере оказалось неожиданно приятным занятием.

Утром конвоир принёс бумажный стакан с кофе и пропустил адвоката. Я уставилась на пластиковую крышку. Всего лишь кофе из автомата, зато горячий, пахнет нормально. Не знала, сначала пить или знакомиться с человеком, который добился, чтобы мне его передали.

Адвокат Виктора, Сергей, сухощавый мужчина в очках, говорил быстро и по делу. Он добился освобождения под подписку о невыезде. Обвинение пока не снято; статус свидетеля, обещанный Виктором, ещё предстояло заработать доказательствами. Нужно дать показания сегодня же, пока Марк не успел задействовать своих людей в следственном комитете повторно.

— Ваша дочь, Алина Викторовна, — адвокат понизил голос, хотя в камере кроме нас никого не было. — Марк инициировал процедуру проверки опеки. Он хочет забрать ребенка через компромат на вас. Если вы не дадите показания против него сейчас, завтра утром она будет в доме Кристины.

Я видела Лизу так отчётливо, словно она сидела тут: две косички, одна резинка уже сползла, она всё время трогает кончик. В доме Кристины резинку ей поправят? Почему я думаю о резинке? Адвокат говорил дальше. Я попросила его повторить последнюю фразу, иначе опять соглашусь, не услышав.

На странице заявления уже стояло моё имя. Сергей придвинул её ближе, а я спрятала дрожащую руку под другую. Очень хотелось спросить, он точно верит, что я не воровала, или ему просто заплатили защищать меня.

За дверью заскрипели ключи, и я вздрогнула. Остаться здесь, лишь бы не злить Марка, было уже смешно: он всё сделал, не дожидаясь моего согласия. Подпишу правдивое заявление. Пусть узнает, что я могу писать не только там, где он отметил галочкой.

— Вы сами будете представлять меня дальше? — спросила я Сергея. — Я. — Тогда не приносите документы без объяснений. Даже если вам Виктор так сказал. Он кивнул и повернул заявление, чтобы мне было удобнее читать. Кивок ещё ничего не гарантировал. Повернутый лист — уже кое-что.

— Я согласна, — выдохнула я. Голос сорвался, но я прочистила горло. — Я готова давать показания.

Адвокат кивнул, доставая планшет.

Глава 4

После подписания бумаг конвоир вернул вещи. Куртку, телефон, опись изъятых. Адвокат сверял номера пакетов, а я заметила среди них маленький, со знакомой синей полоской.

В нём лежала вещь, о которой за эти сутки я совершенно забыла.

Флешка.

Та самая синяя флешка с потёртым ободком, на которую я утром в день ареста скопировала рабочий архив перед встречей с Марком. Её нашли при обыске и внесли в опись. По копии адвокат уже подал ходатайство; теперь носитель возвращали мне.

В описи возле её номера стояла моя утренняя подпись. Я провела пальцем по пакету: всё это время ответ мог лежать рядом.

Вскрыла пакет при адвокате и достала её. Холодный пластик нагревался от ладони. На ней не было файлов с деньгами. Там был архив. Черновики. Старые версии договоров.

И среди них — договор дарения доли компании. Тот самый, который я подписала еще до свадьбы, передавая контроль матери, чтобы защитить бизнес от рисков будущего мужа. Скан договора, который Марк пытался аннулировать задним числом. Не оригинал, но с датой, номером и подписью: по ним можно найти бумажный экземпляр.

В том же архиве я помнила скан материнской доверенности на Марка и отметку о её отмене. Мать передала ему управление, а не собственность. После её смерти он продолжал подписывать бумаги от её имени. Я принимала это за завершение старых сделок. Теперь нужно было сверить даты: где закончились полномочия и началось присвоение.

Я вспомнила строку с подписью матери. Странно, что раньше видела там только служебную формальность: разрешила зятю заниматься стройкой, всем удобно. А срок был указан. И список полномочий. Я сама умею составлять такие документы, но доверенность мужа годами не перечитывала.

Сжала флешку и попросила у адвоката пакет. Её нельзя потерять по дороге, нельзя сунуть в первый попавшийся компьютер. Дома сделаю копию, а он начнёт искать оригиналы.

Закрыв пакет с флешкой, передала Сергею номера файлов, которые помнила. Он записал их на обороте визитки. Мне впервые за сутки нашлось дело, в котором я понимала больше человека напротив.

Про «ошибку в завещании» Марк всегда рассказывал быстро, уже надев куртку, на выходе. Юристы поправят, он всё уладит. Я хотела увидеть эту ошибку сама. Теперь у Сергея были номера документов, а у меня — причина больше не верить фразе «всё улажено».

До выхода шла почти не дыша. Боялась услышать: вернитесь, выяснилось, что бумага не та. За стеклянной дверью стоял Виктор, смотрел в телефон. Я остановилась у порога, потом сделала ещё шаг. Никто не схватил меня за рукав. На улице можно было вдохнуть.

Виктор поднял глаза от экрана. Я показала ему пакет с флешкой и сразу убрала в карман: расскажу в машине, где нас не слышит конвоир. Он заметил жест, но не потребовал отдать пакет. Обошёл машину и открыл пассажирскую дверь.

Я села, поджала под сиденье ноги и положила ладонь на карман. — Сначала надо узнать, где Лиза. — Займёмся, — сказал Виктор. Слово короткое, некрасивое. Сейчас мне подошло. Красиво мне уже обещали.

У служебного входа бизнес-центра «Нева» я поскользнулась и легла коленями в лужу. Вода попала в рот, я сплюнула, не поднимая лица: над дверью висела камера. Апрель, будь он неладен. В сером комбинезоне клининговой службы холод добирался до спины быстрее, чем я успевала решить, как встать. До архива нужно было попасть раньше, чем охрана сверит подрядчиков. Лицо на записи мне совсем не пригодилось бы.

— Ты чего разлеглась? — голос охранника был резким, с хрипотцой курителя. Он задел меня коленом, пытаясь пройти к двери. Будто я мешок, который уборщицы забыли убрать.

Приподняла голову, забыв про капюшон. Он съехал к затылку. Охранник уставился мне в лицо и перестал обходить лужу. Ну конечно. На новости у него время нашлось, на песок у входа — нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.